

Виктор ЛОСЬ

«Зеленая» экономика: утопия или реальность?

В конце первой декады XXI в. под эгидой Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) была разработана концепция «зеленой» экономики, которая бы представлена в рамках Рио+20 как базисная основа мировой стратегии устойчивого развития. Современная цивилизация прошла длительный путь от реализации принципов традиционной («коричневой») экономики до осознания необходимости «позеленения» экономической модели.

Мировая (западная) экономическая модель, разработанная в конце XVIII в. (А. Смит и др.), исходила из теоретического обоснования фундаментального правила свободного рынка – закона стоимости. В соответствии с ним на рынке товары продаются по стоимости, отклоняясь от нее в ту или иную сторону в зависимости от оппозиции «спрос–предложение». В свою очередь закон стоимости исходит, во-первых, из свободной конкурентной борьбы, и во-вторых, из сравнительно неограниченного естественного природно-ресурсного потенциала, оказавшегося в распоряжении социума.

Реализация этих установок в условиях западной цивилизации явилась «мотором» ее экономического динамизма и мировой экспансии. Вместе с тем постепенно обнаруживались и негативные последствия развития западной экономической модели, в том числе и ее экофобная сущность.

Виктор ЛОСЬ – доктор философских наук, профессор РАНХиГС

Примерно до середины XX в. действующая экономическая модель не включала экологические ограничения роста – преобладала природопотребительская (или в современной терминологии «коричневая») экономика. Эффективность производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности понималась преимущественно как максимально возможное получение благ в процессе потребления природно-ресурсного потенциала. При этом использование природных ресурсов (объем, количество отходов и т. п.) ограничивалось соображениями экономического характера.

Природопотребительский тип развития мировой цивилизации явился одной из основных причин усиления деградационных изменений естественных экосистем – процесса, опасно расширившегося во второй половине XX столетия. Постепенно эффективность производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности стала пониматься как возможность максимального получения материальных благ не только при рациональном использовании природно-ресурсного потенциала, но и при активизации процессов, направленных на сохранение и восстановление природных ресурсов, поддержание равновесия естественных социоэкосистем.

В 60-70-х гг. прошлого века осознание остроты социально-экологических противоречий становится одной из самых «болевых точек» западной цивилизации, активно воспринимаемой общественным сознанием.

Отметим важнейшие факты и идеи, оказавшие существенное влияние на тенденцию «экологизации» современного западного сознания:

• публикации (Carlson R. Silent spring, 1962 и др.), наглядно показавшие реальную опасность антропогенного загрязнения биосферы – например, обнаружение следов ДДТ в печени пингвинов;

• исследования (White L. The Historical Roots of our Ecologic Crisis//Science, 1967, vol. 155, № 3767), обосновывающие историческую экофобность христианства, в рамках которого человек занимает неоправданно доминирующий статус по отношению ко всему тварному миру;

• концепция «качества жизни», исходящая из того, что не только экономические (количественные) показатели определяют эффективность динамизма социума;

• теория «экологической конвергенции», в соответствии с которой и капитализм, и социализм несут свою долю ответственности за реальную остроту мировой социально-экологической ситуации;

• представления «экологического социализма» (идеология альтернативизма), связывающие позитивные перспективы цивилизации с социалистическими моделями «гуманизированного» типа;

• создание «зеленых» партий и их вхождение в национальные парламенты большинства западных стран, что позволило реально лоббировать экологическое законодательство;

• формирование экологической экономики (ecological economics) как научное обоснование реализации природоохранных стереотипов.

Разрабатываемая эколого-экономическая модель развития социума восприняла по крайней мере три ограничения для экономизма традиционного типа. Это, во-первых, реальность противоречий между ростом потребностей цивилизации и ограниченностью возможностей их удовлетворения; во-вторых, принципиальная прогностическая дефицитность (технологическая, экономическая и др.) невозобновимых природных ресурсов, и в-третьих, ограниченность возможностей биосферы для ассимиляции отходов технико-антропогенной деятельности (пределы «емкости биосферы»).

В начале 1970-х гг. два знаковых события, случившихся практически одновременно, окончательно определили доминирующий статус экологической проблемы в рамках западного сознания. А именно:

– резонанс публикации первого доклада Римскому клубу (The Limits to Growth, март 1972), где компьютерная модель показала прогностическую неизбежность экологического коллапса цивилизации при сохранении традиционных экономических стереотипов;

– проведение Конференции ООН по окружающей среде (Стокгольм, июнь 1972), в рамках которой лидеры практически всех стран мира подтвердили свою приверженность новой модели экономического роста, учитывающей современные экологические представления.

Именно под ее эгидой была сформулирована мировая стратегия экологического развития (экоразвития), исходящая из идеи взаимосвязи экономизма с сохранением естественной среды обитания человека. В значительной части стран мирового сообщества (первоначально преимущественно в развитых, а позднее – в большинстве) были созданы государственные структуры (министерства, советы и др.), занимающиеся централизованной координацией национальных усилий по рационализации взаимоотношений элементов системы «человек–социум–биосфера».

Исторически сложившаяся западная модель экономического развития, несмотря на свои недостатки и издержки, создала материальные предпосылки, на основании которых примерно 2-3% ВВП направлялись на цели, корректирующие экономические стереотипы с учетом современных биосферных закономерностей. Более того, индивидуальное и общественное сознание в развитых странах оказалось подготовленным (и это показывали соответствующие опросы) как к адекватному восприятию остроты экологической ситуации, так и к реальным действиям, направленным на преодоление биосферной напряженности.

В рамках экологической экономики были сформулированы три принципа эколого-экономического развития социума:

• принцип «загрязнитель платит», позволяющий частично преодолевать природоохранные противоречия на основе соответствующих штрафных санкций;

• принцип «предотвращения загрязнений», исходящий из создания условий, при которых экономически выгоднее и организационно эффективнее предусмотреть возможные негативные экологические последствия деятельности, чем компенсировать значительность штрафных санкций и имиджевые потери бизнеса;

• принцип «платности ресурсов», ставший основным механизмом, создающим условия для адекватного учета экологических факторов в системе развитых рыночных отношений.

Эти принципы, реализуемые на протяжении 1970-1980-х гг. в большинстве развитых стран, стали основанием процесса «экологизации» рынка, иначе говоря, условием реального перехода хозяйственного механизма от абсолютного «экономизма» (с высокой степенью «коричневости») к рационализации деятельности, неуклонно учитывающей интересы биосферы (повышение степени «позеленения» традиционной модели развития).

Чем же можно объяснить сравнительную успешность этого радикального (и даже больше – революционного) исторического перехода от одной эколого-экономической модели к другой?

Во-первых, наличием развитых форм частной собственности, что позволило «привязать» ее владельца не только к основному продукту, но и к побочным результатам производственно-хозяйственной деятельности. При этом остались незыблемыми исторические права собственника и существенно расширились его обязан-

ности (в частности, связанные утилизацией отходов производственно-хозяйственной деятельности, ее рационализацией).

Во-вторых, значительной ролью государства в организации и стимулировании экологической ориентации бизнеса. С одной стороны, введение экологического законодательства и жесткий контроль над его реализацией (в виде «кнута»), а с другой – разработка гибких механизмов (финансовых, организационных и др.) поддержки природоохранных решений бизнеса (как «пряник»).

В-третьих, высоким уровнем научных возможностей социума, когда конкретные экологические вызовы могут получить адекватное технико-технологическое разрешение.

В-четвертых, масштабностью информационного потока, дающего возможно полное представление об остроте биосферной напряженности и путях ее преодоления, связанных в значительной степени с экологической направленностью бизнеса.

В-пятых, поддержкой подавляющих групп населения развитых стран, высокие потребительские ориентиры которого подготовили условия для того, чтобы финансировать (соглашаясь на более высокую цену покупки) производство экологически чистой продукции.

В 1980-1990-х гг. в развитых странах сформировался существенный рынок «экологического бизнеса» – отрасли деятельности, обеспечивающей товары и услуги в сфере охраны природы и рационального природопользования. В большинстве из них бизнес в этой сфере становится важным фактором экономической динамики. В Германии, например, свыше 20% ВВП дает именно экологический бизнес, специфика которого заключается в том, что в его рамках развиваются современные технологии и реализуются прогрессивные научно-технические решения. Это касается новых технологических процессов (создание относительно замкнутых технико-энергетических систем), экологически чистых продуктов и т. п.

Опыт развитых стран показывает, что выход на уровень деятельности экологического характера сочетается с экономической эффективностью производственно-хозяйственной системы. То есть экологичность деятельности отнюдь не противоречит ее экономичности.

Однако уже в конце 1980-х гг. стало ясно, что для качественного динамизма социума недостаточно учитывать лишь взаимосвязь (и взаимозависимость) элементов системы «экономика–экология». Необходимо более широкое понимание взаимосвязи экономико-экологических систем с качественными показателями развития цивилизации. Представление об устойчивом развитии цивилизации было увязано с ее выходом на уровень «зеленой» экономики. Именно такой подход характерен для международных организаций (ЮНЕП, ЭСКАТО, ОЭСР и др.).

«Зеленая» экономика трактуется как такая экономическая модель социума, в рамках которой не только обеспечиваются благосостояние человека и социальная справедливость, но и снижаются риски, связанные с деградацией исторически сложившейся экосистемы. Динамизм экономики этого типа определяется преимущественно благодаря деятельности, ориентированной на повышение благосостояния человека, улучшение качественных характеристик среды обитания как современных, так и будущих поколений.

Традиционная («коричневая») экономическая модель при всех своих позитивных реалиях характеризуется непомерно высокими показателями риска. При этом реализация целей развития тысячелетия, сформулированных в рамках ООН в самом начале XXI в. (преодоление нищеты, дефицита чистой пресной воды, предотвращение климатических изменений и т. п.), оказываются под угрозой.

В материалах ЮНЕП доказывается, что традиционные экономические показатели (ВВП и др.), не отражая экологических составляющих (например, масштабов потребления природного капитала, степени деградации экосистем), не дают адекватного представления о степени эффективности конкретной национальной социоэкосистемы. Сравнительно высокие показатели ВВП могут быть получены на фоне расширенного потребления природного капитала и опасных изменений природной среды, что «съедает» значительную часть эффективности социально-экономической модели. Введение соответствующего показателя – Inclusive Wealth Accounting («учет инклюзивного богатства») рассматривается как один из шагов на пути к реальной макроэкономической оценке степени «позеленения» конкретных экономических систем.

Выход цивилизации на уровень «зеленой» экономики предполагает реализацию мировой стратегии устойчивого развития, в рамках которой должна осуществляться реформа практически всех секторов экономики (ЮНЕП обозначает их 10 – промышленность, сельское хозяйство, энергетика, городские поселения, окружающая среда и т. п.) и национальной политики, целенаправленно поддерживающей инвестиции в социально-экологическую сферу. Экономический рост должен обеспечиваться преимущественно за счет как государственных, так и частных инвестиций в области деятельности социума, связанной с природоохранными проектами, энергетической безопасностью, предотвращением сокращения биоразнообразия, предоставлением различного рода экологических услуг и др.

Речь идет о том, что вся структура деятельности социума должна быть пронизана социально-экологической составляющей. Скажем, развитие современного энергетического сектора предполагает не только рационализацию энергопотребления, но и реальный выход на альтернативные источники энергии, постепенный отказ от использования углеводородных энергетических ресурсов. Радикальное улучшение городской экологической ситуации связано с адекватным решением проблемы отходов, совершенствованием транспортной

инфраструктуры и др. И все это, происходящее на фоне экологически ориентированного экономического роста, предполагает реальное повышение качества жизни человека.

Реализация стратегии «зеленой» экономики должна исходить, по концепции ЮНЕП, из следующих направлений деятельности:

– принятие модели устойчивого развития как базисной стратегии социума;

– целенаправленная государственная поддержка экологически ориентированной производственно-хозяйственной деятельности;

– рост государственных инвестиций в экологически чистые производства, альтернативную энергетику, общественный транспорт и т. п.;

– оценка природных ресурсов и введение соответствующих налогов, учитывающих степень их деградации в процессе использования;

– реформирование системы налогообложения, когда доминирует налог не на рабочую силу, а на степень и масштабы загрязнения природной среды;

– создание условий повышенной конкуренции экологически ориентированной деятельности;

– реализация социальных проектов, увязывающих стратегию «позеленения» деятельности с повышением качества жизни и благосостояния социума.

Очевидно, что предложить универсальный механизм выхода конкретных стран (или их групп) на уровень «зеленой» экономики не просто. Реальная степень ее «позеленения» – функция системы национальных условий (уровень развития экономики, наличие политической воли, масштабы природных ресурсов, информированность населения и др.).

Человек должен реально почувствовать взаимосвязь между характером экономического развития и качеством жизни. Наиболее отчетливо этот процесс заметен в развитых странах, где больше половины населения принадлежит к «среднему классу», для которого характерно стремление к качественным (экологическим) показателям жизни (загородный дом, современный автомобиль, рациональное питание и т. п.). Во многих из них, особенно в странах северной Европы, «зеленая» экономика и ее элементы – реалии обычной жизни. Загородное жилище оборудовано, как правило, альтернативными источниками энергии (крыша представляет собой, например, систему аккумуляции солнечной энергии, а рядом может быть расположен ветряной двигатель). Автомобиль последнего поколения не только оснащен системой безопасности и разнообразной электронной «начинкой», но и имеет совершенную систему очистки выхлопных газов (не говоря уже о неуклонно распространяемом электромобиле).

Южная Корея – одна из первых стран, рассматривающих переход к «зеленой» экономике в качестве национальной стратегии. Значительные средства государства и бизнеса выделяются на разработку совершенных видов транспорта, альтернативных источников энергии, технологий переработки отходов. Государственные займы на льготных условиях предоставляются бизнесу для расширения непосредственной природоохранной деятельности (развитие сети парков, очистка русла рек в городских поселениях и др.).

Активно развивается экологический туризм, который трактуется как составная часть «зеленой» экономики. Ежегодно страны Южной и Северной Америки получают около $5 млн лишь за счет входной платы в национальные парки. Исследования показывают, что население, живущее в экологически чистых регионах, имеет более высокие экономические показатели качества жизни (уровень дохода, престижность работы и т. п.).

В Канаде действует национальная программа по стимулированию производителей возобновляемой энергии в провинции Онтарио. Субсидируется производство возобновляемых источников энергии с использованием местных ресурсов. Планируется, что к 2050 г. до 40% энергии в Онтарио будет производиться с помощью «зеленой» энергетики. При этом до 60% оборудования должно быть местного производства.

Аналогичные тенденции характерны и для стран ЕС. Годовой доход от экологической индустрии (как подсистемы «зеленой» экономики) составляет 2,5% ВВП. Около 1/4 всех капиталовложений – это инвестиции в технологии экологической направленности. Стратегия ЕС к 2020 г. предусматривает «позеленение» значительных секторов реальной экономики; к 2050 г. планируется переход к конкурентной низкоуглеродной экономике.

Еврокомиссия по окружающей среде поддерживает усилия стран в рамках Восточного партнерства по внедрению экологических инноваций, продвижению технологий «зеленой» экономики. Поддерживается и польский проект GreenEvo. Его цель – поиск, отбор и продвижение на мировой рынок инновационных («зеленых») технологий, разработанных и зарегистрированных на территории Польши и уже доказавших свою эффективность. Этот механизм «работает» на государственном уровне – в рамках Министерства окружающей среды с привлечением независимых экспертов. Проблема «зеленой» экономики активно обсуждается в республиках Казахстан, Беларусь и др.

«Позеленение» экономики России – объективное требование эффективного национального развития. С одной стороны, страна по-прежнему располагает значительным запасом природно-ресурсного потенциала, который является источником национального благосостояния. С другой стороны, сложившаяся модель потребительского недропользования приводит к тому, что усиливается тенденция к исчерпанию изведанных запасов природных ресурсов, а разработка новых требует все больше капвложений, нивелирующих их экономическую целесообразность. Более того, основные потребители органического топлива на мировом рынке планируют к середине XXI в. значительное снижение масштабов использования углеводородных

энергоресурсов за счет перехода к альтернативной («зеленой») энергетике.

Российские общественные организации (Институт устойчивого развития Общественной палаты РФ, Центр экологической политики и др.) обращают внимание на то, что стратегия экономического роста на основе инновационного развития должна не только обеспечить эффективную национальную модернизацию, но и способствовать благосостоянию как нынешних, так и будущих поколений. Россия имеет все предпосылки для того, чтобы выйти на уровень «зеленой» экономики.

Впрочем, очевидно и то, что это – длительный процесс. Развитые страны для выхода на уровень сравнительно эффективной эколого-экономической стратегии затратили около 20 лет. Россия, учитывая исторический опыт и все сужающийся временной лаг, может (и должна) ускорить решение этой задачи, отказавшись от доминанты «ресурсной экономики», неуклонно повышая степень ее «позеленения».

Теоретически большинство стран мирового сообщества согласно с тем, что лучше быть «богатым и здоровым, чем бедным и больным». Иными словами, что неплохо было бы сочетать экономический рост с сохранением природной среды и повышением качества жизни.

Практически же современный мир жестко поляризуется: развитые страны стремятся к «качественному» («зеленому») росту, а развивающиеся – беспокоятся, что «позеленение» экономики ограничит доминанту их экономического («количественного») роста. Поэтому в международных документах неуклонно подчеркивается, что «зеленая» экономика как стратегия эколого-экономического развития цивилизации своей конечной целью ставит искоренение бедности и повышение благосостояния человечества.

По расчетам экспертов ЮНЕП, выделение дополнительных 2% ВВП создаст экономические предпосылки для выхода цивилизации на уровень «зеленой» экономики. Примерно такой же процент уже на протяжении двух десятилетий выделяют развитые страны на цели экологического развития, другие – около 1%. Казалось бы, небольшой процент! Но это разделяет мир на «чистых» и «нечистых».

В свое время Ной взял в свой ковчег «всех тварей по паре». И все спаслись. «Зеленая» экономика в модели устойчивого развития – Ноев ковчег цивилизации, устремленной в XXI век.

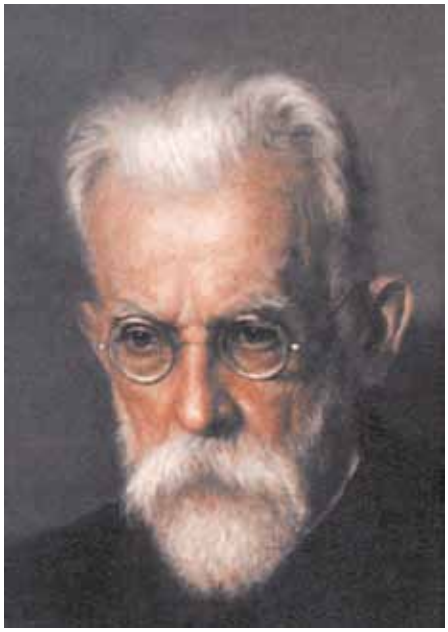
8 февраля – день российской науки

Аркадий УРСУЛ, Татьяна УРСУЛ

В.И. Вернадский и перспективы становления ноосферы через устойчивое развитие. К 150-летию со дня рождения

В.И. Вернадский выдвинул идею становления ноосферы в качестве главного направления дальнейшего развития человечества, которое должно будет рационализировать свою деятельность, обеспечивая выживание почти семимиллиардного (а к 2050 г., возможно, уже и девятимиллиардного) населения планеты. Последователи ученого в СССР и в России существенно развили его идеи и показали, что эпоха становления ноосферы – это будущее человечества и начинается оно на пути его перехода к устойчивому развитию.

В.В. Путин, выступая на Деловом саммите Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в ноябре 2000 г., подчеркнул: «Еще наш соотечественник Владимир Вернадский в начале XX века создал учение об объединяющем человечество пространстве – ноосфере. В нем

В.И. Вернадский

Аркадий УРСУЛ – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета

Татьяна УРСУЛ – заведующая кафедрой социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета МИСиС, доктор философских наук, профессор